

ликому указанию можно лишь прибавить, что множество серьезных законопроектных постановлений из Государственной Думы в Государственный Совет лишь в самом конце сессии, причем как в Думе, так и в Совете они проскальзывают, не видя так называемой «нормы», почти без всякого рассмотрения.

Это весьма неблагоприятное явление объясняется неправильным распределением думской работы: подготовительная комиссия Государственной Думы отчасти по неопытности и непродуктивности, отчасти из-за нехватки лучшего изучения порученных им дел затягивает работу и к концу сессии накопляют такой запас докладов, что для внимательного их рассмотрения не хватает времени ни у Государственной Думы, ни у Государственного Совета. Это тем более досадно, что в осеннюю сессию Государственная Дума затрачивает массу своего времени и энергии на бесплодные партийные препирательства и на такое красноречие, которое ни ораторам, ни Государственной Думе не приносит ни пользы, ни чести.

Что касается заготовки бюджета, то председатели Государственного Совета справедливо указали, что «представляется совершенно невозможным пропускать совершенно законные предложения». Упреки М. Г. Акимова тем более основательны, что в старом Государственном Совете в течение многих лет бюджет утверждался аккуратно в первом чтении и что для соблюдения такого же порядка в настоящее время не существует непреодолимых препятствий. Два месяца (с первого октября по первое декабря) вполне достаточно для тщательного рассмотрения бюджета в Государственной Думе, а в течение третьего месяца (декабрь) бюджет может быть затронут в Государственном Совете и согласован с комиссиями. Но само собою разумеется, что та же самая работа может быть растянута и на шесть месяцев, и, если угодно, на шесть лет, так как бюджет дает неисчерпаемый материал для прений и самых разнообразных предложений, замечаний и пожеланий. Но как Дума, так и Государственный Совет обязаны прежде всего исполнять свои обязанности и надлежащим, указанным законом сроком.

Неисполнение законодательными учреждениями своей обязанности по отношению к бюджету не только причиняет крупный материальный ущерб государству и разоряет плановую работу, но и подрывает авторитет власти, подрывает доверие к ней. Если же бюджет не будет утвержден в срок, то это будет означать, что власть не способна исполнять свои обязанности и что она не способна к работе.

Мы думаем, что для устранения этого порядка или правильно сказать беспорядка, в рассмотрении бюджета, который М. Г. Акимов называет «совершенно невозможным», Государственный Совет оказал бы большую помощь, если бы он шел не в Государственной Думе, а вперед ее, заканчивая бы свои подготовительные работы к декабрю месяцем и таким образом заставлял бы Думу к этому же времени оканчивать свою бюджетную подготовку. Как бы то ни было, мы вполне присоединяемся к мнению председателя Государственного Совета, что прохождение бюджета во второй

половин года решительно недопустимо и должно быть непременно устранено.

Русская и Французская.

Вся знает какую отчаянную травлю нашей охранной полицией, веда и ведет дьявол пресса. Целые томы, газетной бумаги доказывают, что полиция, что ничего ужаснее русской охранной полицией не было и не может быть под луной.

Действительно руководство нашей охранной полицией, как политической так и просто уголовной, заслуживает жесткого наказания. Искать Азефа и Богрова, об этом духи митыи быть не может.

По мнению быть два митыи вот по какому вопросу. Азефа печать полагает, что вся причина папаша охранных был лежить в недомыслии высших агентов власти до министра внутренних дел включительно. Но их митыи Мордого Громова потому убил Столыпина, что покойный Петр Арсеньевич или жаждал самодержавия или просто неспособен был понимать опасности той системы, которой он держался. «Переменить систему», — говорят эти господа — и все пойдет на другие рельсы. Не будет политических убийств, все министры будут спать спокойно, будет благоразумие в воздухе и всеобщая благодать.

Система же эта состоит в том, что охранная полиция пользуется услугами очень сомнительных субъектов. Это «агенты сотрудничества», выдающие себя за расклеванных революционеров или за предавших из-за денег.

— Не пользуйтесь услугами предавателей и все будет хорошо!

Други же говорят. Генеральный Шерохов Холмс, слышишь, рыцарь без страха и упрека, существует только в произведениях Конан-Дойла. На самом же деле слышишь обыкновенные люди, неспособные творить чудеса. Между тем задачи, которые им ставятся, граничат с чудотворением.

Как, например, раскрыть существование террористического заговора, если тайна состоит из пяти-шести человек собирающихся друг у друга пить чай? Кто может вывести на подпольные эти тайные кружки, которые в каждом большом городе могут быть десятки тысяч? Между тем именно в таком чинном кружке может зреть ужасное преступление, катастрофа, которая затронет тысяч и тысяч и которая должна быть предотвращена охранной полицией.

Спрашивается какими способами полиция может это сделать? А между тем должна сдаться. Если катастрофа не предупредит, то опять таки все будут обвинять полицию. Ибо на то она и охранная, чтобы охранять.

Выходит так: не доверяйся бюрократическому делу.

В конце концов боюсь ответственности, боюсь укаса застрявшего лица, полиция слышит и даже с радостью принимает предателей явившихся к ней... Все знают, что из этого выходит. Пока судилия доставляемые этими предателями не принимаются сию на веру, пока за этим шпионажем в свою очередь шпионит, — сходится с рукам... Но обыкновенно на этом не останавливаются. Предатели, оказавшие важные услуги, из опасения гоним, с которыми нужно обращаться с величайшей осторожностью, становятся в охранном отделе своими людьми, потом сотрудниками, потом руководителями, потом начальниками.

И тогда бывает укаса... Тогда бы вест Азефа и Богрова.

Совершенно тоже самое и в деле уголовной сыскальной полицией. И там трудность раскрытия, и в особенности предупреждения преступлений, такова, что приходится прибегать к услугам лиц темных... Субъекты, которые бродят на границе между казенной пенсией и каторгой...

Но было бы большое несправедливостью думать, что так это дело стоит только у нас в России. Не многим лучше оно и в других странах.

А к этому не вверит пусть прочтете вышедшую телеграмму.

Инспектор парижской охранной полиции

Морис похулашу задушить с целью грабежа живу одного банковского служащего. Морис арестован.

И так инспектор охранной полиции, обвинявший охранную жизнь и имущество французских, похулашу задушить одну из охранников из французских гражданских.

Вот тебе и слава Лепина, знаменитого парижского полиция!

Директор нашей полицией может с некоторым удовлетворением сказать.

Чтобы вы назвали бы, друзья.

Когда бы это сдвинуло я!

Незнакомец.

Новый австрийский посол в Петербурге.

Граф Поль Эстергази, который в настоящее время замещает графа Турин-Валаска — нынешнего австрийского посла, происходил из старой венгерской аристократической фамилии, из младшей линии князей Эстергази.

Граф Поль Эстергази воспитанник изумительный, окончивший Кальварийскую коллегию, банз Вены, начал очень рано дипломатическую карьеру. Проживая за границей несколько лет в разных государствах, он был назначен начальником кабинета графа Эренталя и оставался таковым вплоть до самой смерти последнего. Он считался одним из самых умных австрийских дипломатов, и если верить распространяемой в Вена молве, не Эренталь им управлял, а он Эренталя. Во время австро-болгарской войны роль графа Эстергази была очень заметна. Когда граф Эренталь умер, граф Эстергази жал, что его назначили на место министра иностранных дел, и он был удивлен и обижался, когда назначили вместо него графа Берхтольда. Он даже хотел подать в отставку. Граф Эстергази в одно из своих митыи и почти не показывался больше в Вены.

Любимец эрцгерцога Франца-Фердинанда, отчасти благодаря последнему и назначавшийся в Петербург.

Граф Эстергази очень богат и обладает большими поместьями в Венгрии. Он женился несколько лет назад на графини Набальде Демет, дочери графа Франциска Демет, бывшего в течение почти 20 лет австрийским послом в Лондоне.

К введению всеобщего обучения.

Министерство народного просвещения, по словам «Речи», разделило, что посыл на введение всеобщего обучения отнеслось к министерству земства и городским самоуправлениям согласно разработанному плану. Если же в тот или иной год местные учреждения представят необходимость в открытии большого или меньшего, сравнительно с финансовым планом числа комплектов, то ассигнование производится по особым ходатайствам этих учреждений, которые при этом должны указывать мотивы отступления от принятого финансового плана. К дворовым пособиям на школьное строительство отнесены, согласно закону, лишь земским и городским управлением, органы же учебной власти пособия могут быть отнесены только к экстернским случаям, из весьма ограниченных кредитов.

Между тем, некоторые директора и инспекторы народных училищ возбуждают ходатайства об отпуске пособий на постройку или содержание отдельных училищ, входящих в школьную сеть, причем в некоторых случаях даже без предварительного сношения с подчиненным земством или городским управлением. Были с тем директоры и инспекторы народных училищ, направляли в почтенное учебное округа ходатайства местным органам самоуправления, не указывая, соответствуют ли эти ходатайства упомянутому выше финансовому плану. Такого порядка министерство признало совершенно недопустимым и предложило посылать учебным округам вперед ходатайств и разъяснить, что им надлежит сообщать о нуждах училищ, удовлетворение которых требует казенных пособий, земствам и городским управлениям, которые одни лишь могут возбуждать ходатайства перед министерством о пособиях.

Лодка все еще не выходила из предельных бухт. Агарь смотрела вдаль. Там, где втер ходил на простор, озеро бугмало, как море. Господи Боже, ринуться из этого Ага! Но, вдь, это же немисимо! Она обернулась, хотела сказать Инфанта, что необходимо вернуться. И тотчас же изменила свое намерение. Она хотела ехать дальше. Хорошо! Пусть так и будет. Она еще не устала. А страх? Жизнь ей давно опомела, так не все ли равно? Она пошла гулять вдаль по воздуху.

Вот лодка вышла из бухт, прикрытых прибрежными скалами. Она задрожала и накренилась набок так сильно, что оба гребца едва не потеряли равновесия. С правой стороны завывала буря. Инфанта стала гнуть медленнее. С левой, как они отплыли от берега, она не сводила глаз с стоящей перед ней Агарь. Она молчала и не оглядывалась. Там, где она была, там и существовала сама. Она не знала, что ему от нее нужно. Думу терзала неясность, потому что она вносила позор в его дом. Он видел, как она охорашивалась перед Берасконом. Видя, как алжароватая соседка. Видя, какие злые, что она за птица, зная, что творится в его семье.

Живо вставали перед ним картины из жизни за последние годы. Он вспоминал, как она вела себя в том или ином случае. Как была казнь, своего мужа! И Мадлену! Как угрожал ему самому! Ему, перед которым все трепетало! Как она самавольно распоряжалась его имуществом! Как покрывала все продажей своего отца! Как была была искрой, падавшей на горячий материал. И вскор в нем ярким пожаром разгорялась ненависть, бешенство, торжествующая жажда мщения. Да, да, он хорошо считал, Инфанта! И все так из этого ничего не вышло. Но если... если он ошибся, так у него хватить силы пережить все счет. Сегодня она его ругала. Чаша терпимости переполнилась! Теперь они сойдутся с, или... сдвигает!

— Чорт возьми! выругался Джакомо. Ну, и продадите вы своих! — Останется! Какое безумие! Удержите их! Не отпускайте! кричали люди, толпившиеся на берегу. — Если они не бегут, так я уж и подавно, обратился Агарь к Джакомо, указывая на Инфанта.

Она вилась за весло и невольно заглянула в лицо старого крестьянина. Он показало, что его рыжие усы подергивались, как будто под ним играет улыбка удовлетворения.

Странное подозрение зародилось в ее уме. Что она задумала? Почему так настойчиво звал ее с собою в лодку? Сердце ее тревожно забило. Но она тогда-то же устояла своей слабости. Уже не боялся ли она в самом деле?

Лодка свободно качалась на волнах. Инфанта веслом удерживала ее у берега. Был молча ждали, что будет дальше. Агарь сильной рукой потянула весло в прибрежный песок и оттолкнулась на более глубокое место.

Вуря злобно накинута на них, сердитая волна бурлила и глумилась. Инфанта время от времени еще под защитой бухт. Агарь стояла на носу лодки, Инфанта позади нее. Вот они сорвали с головы шапку и бросили ее на дно. Вдаль тотчас же воспользовались этим и стали рвать и трепать его рыжеватые волосы с едва заметной проседью.

— Ну эти, пожалуй, благополучно дойдут до другого берега, говорили в толпе. — Женщина гребет с такой силой, как самый опытный моряк.

Многие испугались непогоды и разошлись по домам. Другие и среди них Джакомо, остались на берегу и с любопытством следили за выходящей по волнам лодкой. Каждый удар весла обрисовывался в то же одно, то в другую сторону. Волны с диким ревом разбивались о ее борта. Старик и его невестка давно уже промокли до восточ.

— Чорт возьми! выругался Джакомо. Ну, и продадите вы своих! — Останется! Какое безумие! Удержите их! Не отпускайте! кричали люди, толпившиеся на берегу. — Если они не бегут, так я уж и подавно, обратился Агарь к Джакомо, указывая на Инфанта.

Она вилась за весло и невольно заглянула в лицо старого крестьянина. Он показало, что его рыжие усы подергивались, как будто под ним играет улыбка удовлетворения.

Странное подозрение зародилось в ее уме. Что она задумала? Почему так настойчиво звал ее с собою в лодку? Сердце ее тревожно забило. Но она тогда-то же устояла своей слабости. Уже не боялся ли она в самом деле?

Лодка свободно качалась на волнах. Инфанта веслом удерживала ее у берега. Был молча ждали, что будет дальше. Агарь сильной рукой потянула весло в прибрежный песок и оттолкнулась на более глубокое место.

Вуря злобно накинута на них, сердитая волна бурлила и глумилась. Инфанта время от времени еще под защитой бухт. Агарь стояла на носу лодки, Инфанта позади нее. Вот они сорвали с головы шапку и бросили ее на дно. Вдаль тотчас же воспользовались этим и стали рвать и трепать его рыжеватые волосы с едва заметной проседью.

— Ну эти, пожалуй, благополучно дойдут до другого берега, говорили в толпе. — Женщина гребет с такой силой, как самый опытный моряк.

Многие испугались непогоды и разошлись по домам. Другие и среди них Джакомо, остались на берегу и с любопытством следили за выходящей по волнам лодкой. Каждый удар весла обрисовывался в то же одно, то в другую сторону. Волны с диким ревом разбивались о ее борта. Старик и его невестка давно уже промокли до восточ.

Духовенство в борьбе с хулиганством.

В настоящее время, по предписанию Святого, в разных епархиях, как сообщается «Речью», происходят благочиннические съезды, на которых, между прочим, обсуждается вопрос об изгнании мифа для борьбы с хулиганством. Многие съезды уже вынесли свои заключения по этому вопросу. По их мнению, главной причиной развития хулиганства является пьянство, поддерживаемое пьянками, которыми злоупотребляют деревни. Уничтожение мифа могло бы поэтому явиться одной из самых надежных миф, если не для совершенного устранения, то, во всяком случае, для значительного ослабления хулиганства. В виду того, что духовенство непосредственно не может бороться с пьянством, съезды высказались за то, чтобы духовенство оказывало в этом деле «моральное» содействие гражданским властям.

Другой не менее важной причиной хулиганства, по мнению съездов, является уход крестьянской молодежи на заработок. Возвращаясь на родину, крестьяне начинают вести хулиганский образ жизни, заражая и других своим поведением. Собеседования на религиозные темы и духовно-нравственные чтения могли бы также принести пользу в деле борьбы с хулиганством.

Далеко съезды высказались за учреждение в приходских общинах трезвости и за устройство библиотек из книг духовно-нравственного, противопоставленного и антиалкогольного содержания. Некоторые брошюры по этим вопросам должны раздаться бесплатно.

Памятник св. Ольге. Назначенный был на 11-е июля в Пскове закладка памятника св. великой княгини Ольге не могла состояться, так как оказалось, что ни план местности, ни план памятника не были представлены на техническо-строительный комитет при министерстве внутренних дел. Выходит, что мысли закладывающего в Пскове пресвященного Алексия, на том постоит, где родилась св. Ольга, по словам «Гол. Моск.», будет воздвигнут храм в честь ее имени.

Цапчонный обелиск. На Цейтномъ бульваре, около Трубиной площади в Москве, открылся обелиск Романовской обители, сооруженный из цемента и зелени художником-садовником В. А. Базановым. Обелиск произвел прекрасное впечатление. Тона подобрали с большим вкусом. Из деталей лучше всего «Спасения ворота».

Очень хороши также скульптуры, чередующиеся с рисунками.

ЗА-ГРАНИЦЕЙ.

Принятие военного законопроекта во Франции.

Заключительный прений о закон о трехлетней службе протекали в палате депутатов довольно бурно. Бывший министр-президент Кабо бросил правительству упрек от имени 140 депутатов в реакционности. Ему возражал в бесстеснительности министр-президент Баргу, указавший на то, что закон преступает политический мир, и выражает сожаление, что Кабо превратил вопрос национальной обороны в политический. От имени оппозиции выступил против «псевдонациональной политики» Пуанкаре Деларю. В 11 часов 30 минут началось голосование по законопроекту.

Результат — принятие законопроекта 358 голосами против 204 — кратко приветствовал президент палаты и весьма оживленно — правые. Азефа молчала. Меньшинство, голосовавшее против проекта, состояло из 3 членов демократической левой, 86 — радикалов-социалистов, 24 независимых социалистов, 20 левых радикалов, 71 объединенных социалистов и одного независимого социалиста. 12 депутатов воздержались от голосования. 20 отсутствовало. В общем закон в настоящее время формально представляет собою несущественно измененный многоголосный поправками правительственный проект.

— Ты опять там с Джакомо... чтобы этого больше не было! — Она оглянулась. В такую бурю нельзя было ни на секунду прекратить работы веслами. Но Ага с прожаркой глубокой морщиной. Черная бровь злобно сдвинулась, она поты заскрежетала зубами.

Она продолжала гребти, а озеро бросало им в лодку свои бурные волны. И она не слыжала его слов?

— Послушай! Или ты поленишься, что не будешь идти с ним к низкому дну, или я всемоу вышью тебе из лодки.

Она замедлила, что она замедлила весомом за ее спиной, почувствовала, что она перестала гребти, потому что лодка сильно качнула в сторону. Тогда она тоже бросила весло и быстро повернулась лицом к нему. Стремительность движения удерживала лодку в равновесии.

Озеро казалось бешеным, а над ним нависла сурья облака тумана. Волны не утомили хлестали борта, задирали дно лодки.

— Вам не придется, пожалуй, трудиться! крикнула Агарь. Если мы не вычерпаете воду, мы оба пойдём ко дну гораздо раньше, чем мы устанем причащать ее берегу.

Она стояла уже по колено в воде. Агарь спокойная, равнодушная, почти веселая. Инфанта была также спокойна, только мысли его работали с прежней силой умоушной ясностью. Там, дома Готлиб, найдется какой-нибудь выход, с ним останется Мадлена. Он сам, Инфанта, уже не молод. А что же неподходящее, подобно должно уйти из его дома, из жизни! Как отнесется к этому Агарь? Теперь она, пожалуй, хватить его весомом! Нужно быть осторожной.

— Вы хотите избавиться от меня, продолжала Агарь. И знаю вас, хитрую лису. Если бы ваши расчеты оправдались, а до моего последнего замка нить никакого дела! Но...

Лодка сильно покачивалась. Она едва удерживалась на волнах. К волнам издали

— Ты опять там с Джакомо... чтобы этого больше не было! — Она оглянулась. В такую бурю нельзя было ни на секунду прекратить работы веслами. Но Ага с прожаркой глубокой морщиной. Черная бровь злобно сдвинулась, она поты заскрежетала зубами.

Она продолжала гребти, а озеро бросало им в лодку свои бурные волны. И она не слыжала его слов?

— Послушай! Или ты поленишься, что не будешь идти с ним к низкому дну, или я всемоу вышью тебе из лодки.

Она замедлила, что она замедлила весомом за ее спиной, почувствовала, что она перестала гребти, потому что лодка сильно качнула в сторону. Тогда она тоже бросила весло и быстро повернулась лицом к нему. Стремительность движения удерживала лодку в равновесии.

Озеро казалось бешеным, а над ним нависла сурья облака тумана. Волны не утомили хлестали борта, задирали дно лодки.

— Вам не придется, пожалуй, трудиться! крикнула Агарь. Если мы не вычерпаете воду, мы оба пойдём ко дну гораздо раньше, чем мы устанем причащать ее берегу.

Она стояла уже по колено в воде. Агарь спокойная, равнодушная, почти веселая. Инфанта была также спокойна, только мысли его работали с прежней силой умоушной ясностью. Там, дома Готлиб, найдется какой-нибудь выход, с ним останется Мадлена. Он сам, Инфанта, уже не молод. А что же неподходящее, подобно должно уйти из его дома, из жизни! Как отнесется к этому Агарь? Теперь она, пожалуй, хватить его весомом! Нужно быть осторожной.

— Вы хотите избавиться от меня, продолжала Агарь. И знаю вас, хитрую лису. Если бы ваши расчеты оправдались, а до моего последнего замка нить никакого дела! Но...

Или поправку заслуживает особого внимания одна, согласно которой правительство должно ввести в рассмотрение палаты, не позже чем через 6 месяцев по опубликованию настоящего закона, законопроекты, которые регулировали бы набор урочек Ажира, колоний и мифа, находящихся под протекторатом Франции. Предложение социалиста Руана дать амнистию осужденным военным по поводу введения нового закона было отклонено большинством 403 против 137 голосов.

Междоусобная война в Китае.

Междоусобная война снова вспыхнула в Китае. Средняя республика, как сообщается «Рус. Слово», разделилась на два враждебных лагеря, и южная провинция отделилась от пекинского правительства, образовав южно-китайскую федерацию. Две провинции юго-западного Китая (Сичуань и Юньнань, с 65 милл. жит.), по своей отдаленности от мифа действия и отсутствию железнодорожных сообщений, остаются пока в стороне и применит, вероятно, в победителю. Китай распался сейчас на три отдельных государства, два из которых вступили между собой в борьбу не на жизнь, а на смерть.

Сверь и юг Китая, жившие в течение большей части истории Поднебесной империи обособленной политической жизнью, до последнего времени были связаны, главным образом, чисто внешней связью — общими маньчжурскими династиями. Северные и южные, говорившие на двух разных языках, по всему складу своей жизни резко отличались друг от друга. Земельладельческий север, питающийся иппением и иппением, по своим экономическим интересам во многом противоположен торговому-промышленному югу, стран риса и хлопков. На север население, в среде которого преобладают ученые Лаодзи и мао-танство, глубоко консервативно, тогда как на юге, где массы населения исповедуют по преимуществу буддизм и где модная пустота корня также и христианство, интеллигенция увлекается радикальными и даже частью социальными воззрениями. Политические программы севера и юга также резко различны. Юньнань, являющийся выразителем стремлений севера, пытается проводить централистскую политику и удерживает, насколько возможно, самостоятельность отдельных провинций. Южане, наоборот, стремятся к расширению провинциальной автономии и превращению Китая в федеральную республику.

Таким образом, борьба севера и юга толкает озабоченно восставать против тирании Юньнань, но южные ее замыслы гораздо глубже. Это борьба не одних личных амбиций, а противоположных мировоззрений и двух разных культур, на основании которых неизбежно возникало реальное путей и торговых сношений еще не успело сказаться заметным образом. Возмущение юга настолько серьезно, что к нему примкнули почти все видные политические деятели-южане, включая товарища Юньнань по должности вице-президента Хуаньшаня. Южане располагают тремя армиями — в Ханькоу (под командой своего Хуаньшаня), в Нанкин и Кантоне: кантонская армия несколько дней назад уже выступила на север, с целью покарать дей другой армии. Пока еще трудно сказать, кто, в конце концов, одержит верх: Юньнань или Хуаньшань, являющийся, по мнению, душой восстания. Армия Юньнань, состоящая из 6-ти дивизий, вооружена и обучена лучше, чем регулярная южная армия, пока насчитывавшая 4—5 дивизий. Но зато значительная часть северной армии отвлечена в Маньчжурию и частью уже выступила в границы Монголии. Если южная армия будет действовать быстро и решительно, исход борьбы между севером и югом определится раньше, чем Юньнань сумеет собрать все свои силы. Не надо забывать, что Юньнань, благодаря своей лодке, располагает гораздо большими материальными средствами, чем южане, располагающиеся лишь довольно скудными бюджетами отложившихся от Пекина провинций. Но на стороне южан большой плюс — массовый настроен среди народных масс и интеллигенции, истерзанной террором жестокого президента.

Во всяком случае, междоусобная война

пока еще не может считаться за решительную.

— Ты опять там с Джакомо... чтобы этого больше не было! — Она оглянулась. В такую бурю нельзя было ни на секунду прекратить работы веслами. Но Ага с прожаркой глубокой морщиной. Черная бровь злобно сдвинулась, она поты заскрежетала зубами.

Она продолжала гребти, а озеро бросало им в лодку свои бурные волны. И она не слыжала его слов?

— Послушай! Или ты поленишься, что не будешь идти с ним к низкому дну, или я всемоу вышью тебе из лодки.

Она замедлила, что она замедлила весомом за ее спиной, почувствовала, что она перестала гребти, потому что лодка сильно качнула в сторону. Тогда она тоже бросила весло и быстро повернулась лицом к нему. Стремительность движения удерживала лодку в равновесии.

Озеро казалось бешеным, а над ним нависла сурья облака тумана. Волны не утомили хлестали борта, задирали дно лодки.

— Вам не придется, пожалуй, трудиться! крикнула Агарь. Если мы не вычерпаете воду, мы оба пойдём ко дну гораздо раньше, чем мы устанем причащать ее берегу.

Она стояла уже по колено в воде. Агарь спокойная, равнодушная, почти веселая. Инфанта была также спокойна, только мысли его работали с прежней силой умоушной ясностью. Там, дома Готлиб, найдется какой-нибудь выход, с ним останется Мадлена. Он сам, Инфанта, уже не молод. А что же неподходящее, подобно должно уйти из его дома, из жизни! Как отнесется к этому Агарь? Теперь она, пожалуй, хватить его весомом! Нужно быть осторожной.

— Вы хотите избавиться от меня, продолжала Агарь. И знаю вас, хитрую лису. Если бы ваши расчеты оправдались, а до моего последнего замка нить никакого дела! Но...

Лодка сильно покачивалась. Она едва удерживалась на волнах. К волнам издали

— Ты опять там с Джакомо... чтобы этого больше не было! — Она оглянулась. В такую бурю нельзя было ни на секунду прекратить работы веслами. Но Ага с прожаркой глубокой морщиной. Черная бровь злобно сдвинулась, она поты заскрежетала зубами.

Она продолжала гребти, а озеро бросало им в лодку свои бурные волны. И она не слыжала его слов?

— Послушай! Или ты поленишься, что не будешь идти с ним к низкому дну, или я всемоу вышью тебе из лодки.

Она замедлила, что она замедлила весомом за ее спиной, почувствовала, что она перестала гребти, потому что лодка сильно качнула в сторону. Тогда она тоже бросила весло и быстро повернулась лицом к нему. Стремительность движения удерживала лодку в равновесии.

Озеро казалось бешеным, а над ним нависла сурья облака тумана. Волны не утомили хлестали борта, задирали дно лодки.

— Вам не придется, пожалуй, трудиться! крикнула Агарь. Если мы не вычерпаете воду, мы оба пойдём ко дну гораздо раньше, чем мы устанем причащать ее берегу.

Она стояла уже по колено в воде. Агарь спокойная, равнодушная, почти веселая. Инфанта была также спокойна, только мысли его работали с прежней силой умоушной ясностью. Там, дома Готлиб, найдется какой-нибудь выход, с ним останется Мадлена. Он сам, Инфанта, уже не молод. А что же неподходящее, подобно должно уйти из его дома, из жизни! Как отнесется к этому Агарь? Теперь она, пожалуй, хватить его весомом! Нужно быть осторожной.

— Вы хотите избавиться от меня, продолжала Агарь. И знаю вас, хитрую лису. Если бы ваши расчеты оправдались, а до моего последнего замка нить никакого дела! Но...

Лодка сильно покачивалась. Она едва удерживалась на волнах. К волнам издали

— Ты опять там с Джакомо... чтобы этого больше не было! — Она оглянулась. В такую бурю нельзя было ни на секунду прекратить работы веслами. Но Ага с прожаркой глубокой морщиной. Черная бровь злобно сдвинулась, она поты заскрежетала зубами.

Она продолжала гребти, а озеро бросало им в лодку свои бурные волны. И она не слыжала его слов?

платили сыграв плохую игру, ставя себя на сторону Юньнань. Если победа окажется за южанами, сотня миллионов нового займа, предлагаемого стараниями дипломата и разбавленного в Европу, подвергнется опасности. Оппозиция в китайском парламенте уже объявила, что она не признает заключенного Юньнань займа, и таким образом, гарантия правительства пяти великих держав, данная политикам на этот заем, может оказаться призрачной. В особенности страна позиция русской дипломатии. Распадение Китая на два или на три отдельных государства всецело в интересах России, так как при таком обороте дель пресловутая желтая опасность для Монголии и Китайской Туркестан исчезает. Северо-Китайская республика (или, быть может, монархия) совет безликая проводить воинственную политику и должна отказаться от попытки покорить слова Монголию. Напротив, пекинское правительство тогда силой своей будет вынуждено поддерживать панушский отменен с Россией, чтобы обеспечить свой тыл.

Отъ нашихъ корреспондентовъ и
С.-Петербургскаго телеграфнаго
Агентства.
12-го июля.
Возвращеніе Ихъ Императорскихъ Ве-
личествъ въ Новый Петергофъ.
КРОНИСТАДТЪ, 12 июля. Въ три часа

